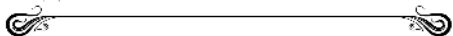

ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**ХРОНИКИ
СЫСКА**

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Дизайн серии «Исторические детективы Николая Свечина»

Андрея Саукова

Иллюстрация на обложке *Филиппа Барбышева*

Художественное оформление серии

«Детектив Российской империи» *Петра Петрова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:

pirita / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com;

Brand X Pictures / Stockbyte / Thinkstock / Gettyimages.ru

В оформлении обложки использовано фото

из архива автора

Свечин, Николай.

С24 Хроники сыска : роман / Николай Свечин. —
Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-109561-1 (Исторические детективы
Николая Свечина)

ISBN 978-5-699-92517-9 (Детектив Российской империи)

«Хроники сыска» — сборник из семи детективных новелл, действие которых происходит параллельно действию романов Николая Свечина «Завещание Аввакума» и «Охота на царя». Бесстрашный сыщик нижегородской полиции Алексей Лыков и его друг и коллега статский советник Павел Благово расследуют дела — одно запутанней другого: о банде конокрадов, о деревене душеителей, об убийстве гимназиста, о таинственном кладе Емельяна Пугачева, об отравлении купца ядовитыми перепелами, а также об убийстве аптекаря-наркоторговца.

Стильный захватывающий детектив — в лучших традициях ретро-жанра!

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109561-1
ISBN 978-5-699-92517-9

© Свечин Н., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Помощник начальника Нижегородской сыскной полиции коллежский асессор Благово громко чертыхнулся. Опять разгромили квартиру! И опять с забеленными окнами. Каждую весну в «Полицейских ведомостях» печатается предупреждение обывателям: не закрашивайте стекла, когда переезжаете на дачу! Поставьте чехлы на мебель, повесьте плотные занавеси, если вам жалко обои, но не белите окна. Все напрасно. И когда шниферы — грабители квартир — прогуливаются по улицам в поисках добычи, по этим приметам они легко обнаруживают помещения, безопасные для взлома.

Ограбленная квартира принадлежала отставному ротмистру Галахову и находилась во втором этаже дома графини Паниной на Рождественской улице. Взлом сегодня утром обнаружил кухонный мужик и сразу сообщил в часть. Пристав отправил городского за Галаховым, который неделю назад переехал с дочерью (он был вдов) на все лето в Козино. Без него протокол пропавших вещей не составить, поэтому и сам

Благово остался до поры в управлении. Послал только агента, чтобы опросил покуда дворника и соседей, а сам раскрыл «Журнал происшествий». Вывел красивым почерком сегодняшнюю дату: «8 мая 1876 года» — и больше ничего написать не успел. Дверь в его кабинет резко распахнулась, вбежал сыскной надзиратель Макарьевской части Здобнов и выдохнул:

— Беда, Павел Афанасьич! Убийство.

Коллежский ассессор молча стукнул себя кулаком по колену, схватил фуражку с кокардой и выбежал след за надзирателем на улицу. Уселись в полицейскую пролетку, с места рванули в карьер; Здобнов тут же принялся рассказывать:

— Меньше часа назад случилось, прямо, как говорится, середь бела дня. Извозчик Быткин, из кунавинских мещан. Стоял у вокзала на бирже. Лошадь купил неделю назад... Вышел с Гребневской пристани зажиточный мужик, стал было нанимать его в Сормово — да вдруг как схватит лошадь под уздцы и давай кричать! Это, мол, его буланка, которую десять ден назад у него прямо из стойла свели. Быткин ругаться и грозить, а тот не отпускает и городского кличет. Народ, понятно, заинтересовался; зеваки собрались. А когда городской к ним уже подходил, Быткин вдруг охнул и назад повалился. Никто ничего не понял сначала, а как подняли возницу — у него нож в спине! Закричали «лови!», а ловить-то некого: тот человек, что нож сунул, уж до пакгаузов добежал и там скрылся. Однако успели его рассмотреть.

— Ну?

— В общем, офеня это, Павел Афанасьевич.

— Офеня?

Сыщики понимающе переглянулись и дальше ехали уже молча.

Коллежский асессор Благово был видный мужчина в годах между сорока и сорока пятью. Седые волосы эффектно обрамляли высокий лоб; черные усы с сильной проседью, породистое лицо и умные, все замечающие глаза дополняли его облик. В молодости Павел Афанасьевич служил морским офицером и сохранил от той поры подтянутость и строгое щегольство в платье. Уже восемь лет Благово служил в уголовном сыске, прошел путь от простого надзирателя до помощника начальника сысского отделения. Выше ему хода не было, хотя по способностям и опыту он был достоин и более высокого поста. Но отделение возглавлял зять губернатора Кутайсова Васенька Лукашевич, лентяй и заядлый картежник, исполнявший служебные обязанности не выходя из дому. Месяцев по восемь в году Васенька лечился неведомо от чего на немецких курортах, преимущественно там, где были казино. В эти счастливые месяцы Павел Афанасьевич руководил сыском самолично и был на хорошем счету у министра внутренних дел. Остальное время ему приходилось играть роль подчиненного, что угнетало его и мешало делу. Сейчас была имен-

но такая пора: Лукашевич уедет только в начале июня. А тут это убийство!

Иван Иванович Здобнов, пятидесятилетний сыщик, опытный и неглупый человек, хорошо знал своего начальника. Догадывался он и о сложности предстоящего им расследования. Офени — закрытое сообщество, занимающееся отнюдь не только торговлей в разнос. Доступ посторонних в это полупреступное состояние невозможен, своих они не выдают. Найти убийцу составит большого труда...

Приехав на биржу Московского вокзала, сыщики тотчас же по толпе зевак отыскивали коляску зарезанного извозчика. Забрали мужика — тот все никак не хотел отпустить вожжи — и поехали в Главный ярмарочный дом, где размещалась Макарьевская часть. Труп к этому времени уже доставили в прозекторскую, и полицейский врач Милотворский начал производить вскрытие.

На допросе Мефодий Петров Кислухин, крестьянин села Кусторка Тумботинской волости Горбатовского уезда, показал, что узнал свою буланку тот час же, как подошел к коляске. Лошадь тоже учуяла хозяйна и радостно заржала. Кислухин купил кобылу четыре года назад, назвал Ласточкой и весьма дорожил ею, как вдруг десять дней назад в недобрую ночь ее свели со двора. Он подал заявление исправнику, сам обошел округу на тридцать верст, пытался уговорить тумботинских конокрадов — есть там известное полиции

семейство Цаловых, которое уже лет восемьдесят занимается этим скверным ремеслом. Но Цаловы только посмеялись... А тут такая удача — нашлась его Лас-точка! В подтверждение своих слов крестьянин указал приметы кобылы, которые при осмотре подтвердились: большой жировик под левой ганашей¹ и незаживающее раздражение на венчиках всех ног от копытной мази.

На вопрос, видел ли он убийцу и то, как он нанес удар, Кислухин ответил отрицательно. Извозчик вдруг посреди ругани охнул, как раз когда уже к ним подходил городской, и изумленно оглянулся назад. И повалился в коляску... Мелькнул только картуз и кудри под ним; какой-то человек быстро-быстро удалялся, не оглядываясь, потом побежал. Догонять его охотников не нашлось, да и не успели бы: до пакгаузов всего полсотни сажений, а там, как в лесу, — ищи ветра в поле. Но люди, видевшие больше, сказали Кислухину, что парень тот был точно офеня: кубовая рубаха, поддевка с искрой, сапоги бутылками. Под коляской городской обнаружил брошенные им три перевязанных пакета с басонами².

— Знамо дело, они заодно, — убежденно подытожил крестьянин. — Офени да конокрады завсегда об руку ходют: одне наводят, другие воруют. Экий под-

¹ Г а н а ш а — скула у основания нижней челюсти лошади.

² Б а с о н ы — тесьма, галунный товар.

лый народ! Я так думаю, вашебродие, што концы он прятал, свидетеля резал.

— Из-за какой-то кобылы средь бела дня на убийство пойти? Двенадцать лет каторги. А Ласточке твоей красная цена сто рублей. Что-то, борода, одно с другим не вяжется; не бывает такого.

— Всяко бывает! — стоял на своем Кислухин.

Благово оставил его пока при части, распорядившись выяснить через телеграф, есть ли у горбатовского исправника заявление о покраже лошади. Здобнова он отправил на квартиру к убитому, сделать обыск и собрать сведения у соседей и в участке. Сам же вернулся в управление — необходимо было известить о неприятном происшествии Лукашевича и полицмейстера Каргера.

В два часа пополудни в огромном кабинете полицмейстера состоялось совещание. В окна гляделись великолепные заволжские дали, от Часовой башни уступом спускалась к реке белая стена кремля, из майской зелени весело выглядывал одинокий купол Симеона Столпника. Но полиции было не до красот. Более всех ярился Васенька — подняли с дивана, заставили прийти в службу, звери! Каргеру тоже нераскрытое убийство было ни к чему. Как обычно убивают в Нижнем Новгороде? Так же, как и везде в России: повздорят двое за шкаликом, один другого хватъ топором!.. И в участок с повинной. Вот труп, вот убийца, вот мотив. Или жена отравит шнейфуртской зеленью мужа,

что ее, несчастную, двадцать лет кряду смертным боем бьет, как напьется... Тоже никакой загадки. А тут средь бела дня зарезали извозчика, и убийец скрылся. Кто? За что? Поди уж и губернатору доложили...

Николай Густавович Каргер пришел в полицию из лесничих. Усердный служака, как и положено немцу. Честен — взятки не берет. Служить под его началом Благово было одно удовольствие: хотя полицмейстер и не смыслил ничего в сыске, но коллежскому асессору доверял, уважал его и поддерживал. Приходилось Каргеру выгораживать его и перед Кутайсовым. Нижегородский губернатор приходился внуком любимому брательнику Павла Первого, произведенному им за сие высокое искусство в графы Российской империи. Поверхностный и легкомысленный, Павел Ипполитович Кутайсов терпел столбового дворянина Благово только из необходимости. Должен же кто-то нести службу вместо его зятя...

— Ну, что там у вас, господа сыщики? — спросил полицмейстер.

Лукашевич молча взглянул на Благово, тот раскрыл папку, доложил:

— Сегодня в половине девятого утра на извозничьей бирже у Московского вокзала неизвестным был зарезан кунавинский мещанин Степан Петров Быткин. Злоумышленника задержать не удалось, он скрылся в пакаузах. Причины убийства неизвестны, но перед самым покушением Быткин был уличен крестьяни-

ном Тумботинской волости Кислухиным в том, что в упряжке у него стоит кислухинская лошадь, похищенная у последнего десять дней назад. Горбатовский исправник телеграфом подтвердил конокрадство. И последнее: убийца, по всем признакам, из числа офеней.

— Офеней? — удивился Каргер. — При чем здесь коробейники? Какое отношение они могут иметь к конокрадству?

— Ну, сами-то они лошадей, разумеется, не крадут. Но замечены во множестве других, весьма серьезных, прегрешений. Офени, господа, — несколько поучительно продолжал Благово, — особое сословие, полоторговое-полупреступное. Оно тесно связано с уголовным миром, но стоит от него особняком. Представьте себе людей, которые постоянно перемещаются по углам нашей державы со всяким мелким товаром. Торговля бойкая, но небольшая, поэтому офени не брезгают поживиться и воровством. Известны случаи ограбления ими путников, и даже с убийствами. Яды, которыми травят у нас в деревнях волков и постылых мужей, все добываются через офеней. Сбыт фальшивых банкнот мелкого номинала, а также оловянной монеты под видом серебряной — многолетний их промысел. Офени — очень закрытое сообщество, со своими обычаями и даже со своим языком, постороннему непонятным. Язык этот, между прочим, куда сложнее «байковой музыки» уголовных — в нем более тысячи слов. Имеются даже как бы внут-

ренные наречия: галисовский, мотройский, ну и другие. Сами себя офени считают особым народом, жившим в IX веке, и называют себя «маськи». Настоящие офени происходят исключительно из четырех уездов Владимирской губернии: Ковровского, Вязниковского, Суздальского и отчасти Судогского. Они ощущают особую общность, как бы единую кровь (вохру, на их языке), и стоят друг за дружку горой. Лет тридцать назад у них явились подражатели — мелкие разносчики из Подольского и Серпуховского уездов; но это только имитаторы. Настоящие офени их презирают и частенько поколачивают. В 1700 году, согласно их собственной легенде, Петр Великий согнал их с их мест притеснениями. С той поры они ходят по всей России, причем начинают свои походы в начале осени, а домой возвращаются только к Масленице. Заметьте: осень — время окончания полевых работ. Лошади встают «на зимние квартиры», откуда их легче свести, чем в страду. Офени ходят везде и забредают даже в Австрию — конечно же, за контрабандой. В Привисленском крае им не дают хода евреи, за исключением нескольких белорусских местностей, дарованных ранее Екатериной князю Потемкину. (Там сейчас проживают потомки первых коробейников, так называемые кричевцы.) В Подолии же офени, вкуче с малороссами, создали особые «коридоры» для беспешлинного ввоза товаров и доставляют много хлопот властям. Для нас все это важно потому, что

агенты правительства практически не вхожи в кастовые тайны коробейников. Это, повторюсь, очень закрытое сословие, похлеще масонов. Если убийца Быткина из их числа, найти его будет чрезвычайно трудно.

— Воровство, контрабанда, фальшивые деньги — целый букет уголовных деяний, — капризно произнес Лукашевич. — Но ведь конокрадства-то нет?

— Нет, Василий Михайлович.

— Но вы, тем не менее, привязываете убийство извозчика... как его там?... к обнаружению у убитого краденной лошади. Правильно ли я вас понял?

— Я допускаю такую связь и считаю ее весьма возможной. Крестьянин, хозяин кобылы, сказал: режут концы. Чем не версия?

— Ну, так поручаю вам ее проработать, — важно изрек начальник сысского отделения. — И вообще: до моего отъезда в Карлсбад убийца должен быть найден! Или вы занимаете не свое место. — При этих словах Лукашевич встал, одернул сюртук игривого канареечного цвета и обратился уже к полицмейстеру: — За сим прощайте, иду на обед к губернатору.

Когда дверь за ним закрылась, Благово вздохнул, а Каргер тихо выругался.

— Когда наш Васенька отбывает?

— Через три недели, Николай Густавович.

— Хгм... Время есть. Не сомневаюсь, Павел Афанасьевич, что вы, как всегда, раскроете преступле-

ние. И мы с вами отдохнем полгода от этого прощельги... Докладывайте мне ход следствия ежедневно; если нужна помощь — не стесняйтесь.

Благово молча откланялся и спустился к себе на второй этаж. Там его уже поджидал сыскной надзиратель Здобнов с пачкой каких-то бумаг; вид у него был озадаченный.

— Странное дело, ваше высокоблагородие. Наш Быткин оказался владельцем еще восемнадцати лошадей.

— Эко вывернуло! И где же весь этот табун?

— Розданы в пользование разным извозчикам, и Быткин ежемесячно получал за них плату. Вот, извольте почитать — я обнаружил книгу, которую он вел. Фамилия, адрес, кличка лошади, приход, долги... Все извозчики, как и покойный, родом из одного села Слопинец; получается, землячество.

Благово внимательно изучил поданные бумаги: написано полуграмотно, но аккуратно. Месячный доход кунавинского мещанина выходил более ста рублей!

— Таким образом, убитый был подпольным извозопромышленником, — констатировал коллежский ассессор. — А патента не брал...

— Для патента надобно капитал показать, а он этого, очевидно, не желал.

— Как думаете, Иван Иваныч, откуда у него деньги на покупку двух десятков лошадей?